

ИЕРУСАЛИМСКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
СЕМИНАР

В Ы П У С К

3

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(2)
И 30

Издатели благодарят компанию

за помощь в издании книги

Издание осуществлено в рамках
гранта РГНФ № 11-61-00005а/П

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СЕМИНАР. Выпуск 3. —
М.: Индрик, 2012. — 272 с.

ISBN 978-5-91674-208-4

ISBN 978-5-91674-208-4

© Авторы статей, текст, 2012
© Издательство «Индрик»,
макет, оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

МОНАШЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	7
Архимандрит Тихон (Шевкунов)	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УЧАСТКА РДМ В ХЕВРОНЕ	23
Яна Чехановец	
ГРОБНИЦА ВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА В ЛУЗИТЕ	41
Алла Нагорская	
НЕИЗВЕСТНАЯ СХИМОНАХИНЯ ЕЛЕОНСКОГО МОНАСТЫРЯ	51
Елена Букреева	
Приложение	
Духовное завещание дочери действительного статского советника Елены Михайловны Кристафович	71
К истории Эйлатского региона	77
Владислав Соколовский	
О женском служении в Церкви	95
Андрей Дьячков	
Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1914 гг.	121
Наталья Лагузова	

«Армянский Хирам»: Мартирос Алтунян в Иерусалиме 159
Михаил Король

Есть ли на Святой Земле поместная Церковь? 177
Диакон Александр Занемонец

Карты Иерусалима
в русской паломнической литературе 1830-х гг. 185
Митя Фрумин

Заповедный Иерусалим: из повествования
братьев Вешняковых о путешествии в 1805 г. 201
Кирилл Вах

Дом Отца или Мерзость запустения.
Отношение ранней христианской традиции
к Храмовой горе в Иерусалиме. I–IV в. 213
Роман Гулятьев

П У Б Л И К А Ц И И

«Господь Спаситель не уходил от красот этого мира...»:
Из иерусалимских дневников о Киприана (Керна) 227

Ответ на недавние известия с Сиона 239
Епископ Порфирий (Успенский)

Р Е Ц Е Н З И И

Новое русское возвращение в Палестину 267
Геродьд Вздорнов

МОНАШЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

Спасибо большое, братья и сестры, за приглашение выступить в Святом Граде, среди сельников Святого Града. Это то место, куда сердцем стремятся все православные, и я, после того как в первый раз в 1995 году здесь побывал, стараюсь ну хотя бы каждый год — не всегда это получается — хотя бы ненадолго побывать здесь. Здесь совершенно особая духовная атмосфера. Здесь вообще самый прекрасный и самый удивительный, и самый, может быть, важный в мире город.

Я однажды, еще в юности, встретил в Тбилиси, у моих друзей Марии Львовны Чавчавадзе и Зураба Чавчавадзе одного странного человека. Это был явный иностранец, потому что по-русски он говорил с акцентом, с грузинами он говорил по-грузински, с армянами он говорил по-армянски. С Марией Львовной Чавчавадзе — княгиня, которая долгое время жила во Франции (эмигранты, которые вернулись в Россию, отсидели, как положено, и вернулись

в Тбилиси) — с ней он говорил по-французски. И потом, когда я заинтересовался — кто это, мне сказали, что это иезуит. Я перепугался страшно, потому что никогда в жизни не видел живых иезуитов, только о них читал. Оказалось, это католический монах, действительно иезуит, Мишель Ван Эсбрук, очень известный. Он объездил все города, все столицы мира, — он был в довольно преклонном уже возрасте, известный ученый, читал лекции во многих университетах. И он сказал, что самый поразительный город в мире, пуповина всей Вселенной — это, конечно, Иерусалим. Я тогда ему не поверил — ну, иезуит, что с него взять? Но когда я в первый раз сам побывал в Иерусалиме, я понял, что это действительно так. И меня восхищает монашество, и в первую очередь русское монашество этого города. Вообще русское монашество Святой Земли. Это особое, удивительное явление, к которому, глубоко убежден, еще вернутся, и не раз, и историки, и литургисты, церковные и светские историки. Потому что сохранять строй церковной литургической монашеской жизни в Святой Земле, в совершенно особом окружении, с совершенно особой ответственностью — это и огромная ответственность, и крест, и прекрасное, радостное, величайшее служение. Мы своих монахов часто посылали, сейчас вот уже, к сожалению, поменьше, сюда, в русские монастыри, и это было для них необычайно важной школой, необычайно значимым опытом и необычайно сильным личным переживанием.

Что касается вопроса о монашестве в современном мире, то это, действительно, особое явление. Ведь какая цель главная, сверхзадача, кроме сверхзадачи спасения души, что является главным — постижение Бога, созидание Храма Божьего внутри себя, пребывание с Богом, что всегда и во все времена было главной целью монашества. Целью монашества в советское время было сохранение, сбережение того, что есть, то, что досталось нам от той России, от Русской Церкви, гонимой тогда. Сберечь для будущих поколений. И об этом мне говорили многие подвижники, в частности, Псково-Печерского монастыря. Сохранить то, что есть, — вот это было самой главной задачей, а когда уж Господу будет угодно — передать это следующим поколениям.

При всем том многие из этих подвижников прекрасно понимали, что они могут и не дожить, и скорее всего не доживут до этих времен, когда Церковь будет свободна. Причем эта убежденность в том, что они живут в последние времена, была абсолютно стойкой и обоснованной. Был такой архимандрит Серафим (Тяпочкин) — многие, наверно, слышали о нем. В Белгородской области он закончил свои дни, отсидел долгие годы, научился Иисусовой молитве, как он сам говорил, в лагерях, перебирая картошку сырую: им мороженую картошку бросали, и надо было ее перебирать, чистить, отбирать совсем сгнившие в одну сторону, ту, которую более или менее можно было

использовать — в другую. И вот он как по четкам научился в эти годы Иисусовой молитве. И вот он говорил: «Мы были абсолютно убеждены, что мы живем в последние времена». «Почему?» — спрашивали мы его. «Ну как... все совпадает по Евангелию, практически в буквальном смысле слова». Это тридцатые годы. Богоборческая власть, которая ставит себя на место Бога. И мерзость запустения на Святом месте. Сколько было этой мерзости запустения на месте Престолов Божьих! Когда действительно глумились и сажали на Престол Божий безбожники, вытворяли всякие непотребства. Когда власть поставила себе целью, официальной целью — искоренение всякого упоминания о Боге. Когда руководители государства один за другим говорили о том, что мы последнего священника покажем, безбожная пятилетка была объявлена. Хрущев говорил — ну, это уже было позже — о том, что покажет по телевизору «последнего попа». Гонения на христиан — все это говорило людям о том, что последние времена приближаются. И так было на самом деле.

Я глубоко убежден, что эта злая закваска гибели человечества и последних времен, она содержится в каждом поколении христиан. И когда первые христиане говорили о том, что мы — последние, вот сейчас грядет антихрист, и их уже много, как пишет апостол евангелист Иоанн Богослов, их уже много в мире. Так в теле каждого человека, в организме каждого человека существует механизм его смерти, но когда он включится — никто не знает. Но мы понимаем, что это случится, но случится ли это в 10 лет, или в 30, или в 50, или в 80 — никто из нас не знает. Вот так же и в человеческой истории. Это мои личные размышления, но вот эти люди, наши практически современники, они испытывали это в своей жизни. Они видели, что включился этот страшный процесс уничтожения Церкви. И их главной задачей было сберечь хотя бы главное — и передать по наследству нам.

Мы оказались теми наследниками, кому передана Церковь, знание о Боге, путь Божий. Они исполнили свое предназначение. И мы видим, что произошло, скажем даже за последние 20 лет. Мы сейчас сделали большую выставку в Москве о том, что было сделано за 20 лет в Церкви. Сейчас, вы знаете, подсчитывают, что произошло. Промышленность — вы знаете, что произошло с промышленностью, сельское хозяйство — все мы знаем, какие проблемы, наука — крах российской науки. Армия... И так далее, и так далее, могу перечислять. А вот церковная жизнь совершенно поразительно воспряла. 30 тысяч храмов возрождено за последние 20 лет. Подсчитывать все-таки вредно для христиан, но, оглянувшись на пройденный путь, мы понимаем, что мы понатворили за короткий срок такого, чего не было за всю историю христианства... 1000 монастырей возрождено. И это же не просто дома, храмы, кельи — это люди. У нас масса претензий к современным

русским монастырям, но как бы то ни было, там живут в основном искренние люди. Люди, которые стараются приблизиться к Богу и стать лучше, стараются быть христианами.

Как-то раз приснопамятный митрополит Питирим (Нечаев) в разговоре с белым духовенством, которое нападало на монахов, вдруг не выдержал и сказал: «А знаете, для меня любой, даже самый падший монах намного дороже, чем вы все, дорогие наши белые бабushки, не в обиду будет сказано». И когда мы всерьез удивились и спросили: «Владыка, да как же вы такие вещи говорите?», он говорит: «Я по своему опыту знаю, что каждый монах однажды хотя бы в жизни действительно захотел стать лучше, отбросить все — своего ветхого человека, и пойти за Христом. Потом могло быть все, что угодно, но вот это в его жизни было. Это стоит очень и очень многого, это очень дорогого стоит».

И вот мы получили это великое сокровище от наших предшественников, новомучеников, настоящих святых, которые собою создали мост из той России, той Русской Церкви в наше время. И что же представляют собой сегодняшние монастыри, в которых, повторяюсь, немало проблем? И проблем, притом, порою очень жестоких, серьезных проблем. Греческое монашество иногда очень снисходительно смотрит на нас. Они правы, так и надо: у них это все не прекращалось, у них это идет довольно мерно, традиционно, а мы в России как всегда: из огня да в полымя, мечемся, ищем, пытаемся что-то найти. Но дерзну сказать, что явное благословение Божие, особое благословение Божие присутствует в Русской Церкви и над Русской Церковью. Потому что, какие бы упреки ни произносились современному монашеству (я не боюсь этого слова — «современное монашество», — потому что заимствую его у святителя Игнатия, «Приношение современному монашеству» — все мы знаем эту замечательную книгу), так вот, какие бы упреки ни произносились, по прошествии 20–25 лет создания монастырей мы видим, что монастыри уже начали приносить свой духовный плод: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, веру, милосердие, кротость, воздержание. Конечно, это не в тщеславии, не в возношение — потому что в любой момент в каждом из нас, и мы знаем это по опыту, это может прерваться, и мы можем принести злой плод, и, к несчастью, это нередко бывает, — но мы знаем и путь покаяния. Мы этот путь монашества очень быстро возродили в душах людей, сумели показать его нашим младшим братьям и сестрам, и нынешние монастыри всерьез укоренились в духовной жизни нынешней России и русского рассеяния.

«Монахи — свет мирянам». Это сказали не мы! «Ангелы — свет монахам, монахи — свет мирянам». Какой уж мы свет — это особый вопрос, но вы знаете — Господь прикрывает для мирян наши немо-

щи. Мы-то внутри монастырей знаем, чего мы стоим — но иной раз мы сами поражаемся, как миряне, с каким благоговением, с каким пиететом относятся к монахам. И всякий раз, когда мы пытаемся им объяснить: «Слушайте, ну на самом деле всё совсем не так. Мы немощные слабые люди», — «О-о, так они еще и смиряются!» — «Да нет, мы не смиряемся, мы правду говорим». Отчего так происходит? Глубоко убежден, только от одного: Господь сам прикрывает мысленные очи людей, показывая им в монахах только доброе и хорошее. А наши слабости, немощи, лень — как-то остаются вне поля зрения благочестивых людей, да и не только благочестивых. Хотя, конечно, много критики (в газетах, причем, часто справедливой критики), уж мы в монашеской среде об этом знаем лучше, чем кто бы то ни было.

Мы привезли сегодня сюда наших послушников, 15 человек. Юных ребят, лет 20-ти в среднем — ну мы на них не нарадуемся. Они все очень разные, но в каждом есть одно: стремление быть с Богом и выбор монашеского пути. Когда приходит молодой человек и просится в монастырь — у нас довольно длительный иску́с, но в конце концов мы спрашиваем: а зачем тебе в монастырь? — «Хочу служить Богу!» — «Ну, так служи в миру, какие проблемы?» — «Хочу подвизаться!» — «Ну, подвизайся, сколько угодно...» — «Хочу быть совершенным», — «Ну, слушай... Можно совершенным быть в миру, сколько угодно подвижников настоящих», — и так далее и так далее. И правильный ответ не дает никто, хотя, естественно, я его знаю, если задаю такие вопросы. Ответ, конечно, в какой-то степени обескураживающий, но с моей точки зрения точный: в монастырь идут для того, чтобы быть монахами. Вот не монахом можно подвизаться, можно быть совершенным, можно служить Богу — вне монастыря, а вот монахом можно быть в монастыре. Конечно, бывают монахи и вне монастыря, но это уже уходит, это то, что было в советское время, — монастыри в миру. В монастыре можно быть монахом, и нигде в другом месте монахом не будешь. И человек в какой-то момент увидит, полюбит весь образ жизни монастыря, весь монашеский обиход, весь строй монашеской жизни, даже монашескую одежду, всё вместе. И он выбирает путь служения Богу в монашеском звании. Вот это с моей точки зрения — трезвый и правильный ответ, почему мы решили стать монахами. Конечно же здесь же и полное желание служить только Богу. Да, это только монастырь, в том смысле, что монастырь более всего удобен для исполнения этого сердечного желания.

В первую очередь надо понимать, что цель монашеской жизни — это соединение с Богом и покаяние. Если эта цель уходит от нас, а она периодически действительно уходит — то к ней надо возвращаться. Потому что слишком много сейчас послушаний у монахов, которые постепенно нас отводят от этой цели, точнее, мы сами по немощи своей

об этой цели забываем. Вот к этому надо возвращаться. И если будет это понимание цели монашеской жизни как покаяния, то есть постоянное изменение на пути к Богу, личное изменение, *метанойя*, в пути к Богу, постоянное сокрушение о грехах, потому что покаяние и сокрушение о грехах — это все-таки разные вещи, мы это понимаем — и все время начинать снова, то есть все время быть новоначальным, искренним новоначальным — то, что бы ни случилось на монашеском пути, этот человек будет монахом.

Служения нынешних монастырей (а их сейчас в России уже тысяча) — самые разные. Иногда архиерей просто десантирует несколько иноков в безлюдное место, где некогда был монастырь, на руины, и задача — эти руины возродить к духовной жизни, в первую очередь, и начать жизнь монашескую, начать молиться и спасаться. Но постепенно монастырь обрастает людьми мирскими. Постепенно монастырь все равно становится центром духовничества. И люди стремятся, даже имея духовников из белого духовенства, причем замечательных духовников, совершенно прекрасных, все равно стараются придти в монастырь, потому что здесь они получают нечто иное. От иноков получают нечто иное. Причем рационально объяснить, что они получают, мы не можем. Иной раз к такому простецу монаху приходят люди от замечательного, повторюсь, духовника светского. И монах им что-то такое, с рациональной точки зрения, почти нелепое скажет, простое — а у человека в сердце отложится. И для него это будет неким откровением, потому что это говорится с некой особой силой человека, о которой говорил владыка Питирим, однажды отрешившись от всего и выбравший этот путь. Недаром такие интеллектуалы-священники, как, скажем, о. Павел Флоренский, имели духовником совершенно простого монаха.

Так вот, нынешние монастыри, с моей точки зрения, несут особое служение духовничества. И женские, и мужские. Вот матушка Георгия (Шукина) в Горненском монастыре. Это же духовник! Я знаю многих людей, которые приезжают к ней за духовным советом и получают эти духовные советы. Приезжают к другим монахиням и монахам, к священникам и несвященникам.

В наши дни монастыри — это и монастыри, и большие приходы. Бояться этого не стоит. Более того, надо воспринимать это как послушание, данное нам от Бога. Совершенно явное, благословенное Богом послушание. И когда вдруг некоторые начинают говорить: нет-нет, мы пришли совсем для другого — ну, если ты пришел для другого — попробуй. И, как правило, эти люди, которые начинают, к сожалению, довольно высокомерно говорить о том, что у нас какое-то другое послушание, — они идут против воли Божией. И такие люди посрамляются. Я сам видел таких монахов, которые пытались подражать древ-

ним отцам, пытались, так сказать, в какой-то кокон себя одеть, отделить себя от этого благословенного Богом послушания — и заканчивали очень плохо: падением, женитьбой, причем это не один раз было. И в Печорах было несколько таких, и у нас в Сретенском монастыре был, к сожалению, такой случай — хотя это не наш пострижник. Как мы ни пытались ему объяснить, что надо по-другому, что надо так, как Бог благославляет... Ну и в конце концов это закончилось уходом из монастыря.

И это касается не только городских монастырей, но и дальних. Вот, например, Никандрова пустынь Псковской области, Псковской епархии — глухой монастырь, добраться туда тяжело. А вот приехал туда замечательный священник, отец Спиридон, иеромонах, начал там подвизаться. Архиерей тут же созвал к нему всех пьяниц местных в священном сане и постриженных. Уж точно, думал, там соблазна не будет. А люди приезжают и к этому батюшке. И эти монахи тоже подтянулись, выпиваючи. Так к одному, к двум священникам туда стали ездить люди, и опять все разрослось, создается посад, вокруг дома люди покупают, живут, приезжают, автобусы ездят: не укрыться, не уйти. Хотел отец Спиридон сбежать — не получилось.

И что тогда говорить о городских монастырях. Вот наш монастырь, Сретенский. Он находится не в центре Москвы, он находится в эпицентре Москвы. В автомобильной пробке, на Большой Лубянке, в десяти минутах ходьбы от Кремля. В страшном сне я не думал, что окажусь в таком... Я сбежал из Москвы, мечтал о Псково-Печерском монастыре, об уединении, о таком достаточно романтическом месте среди древних стен. А оказался на Лубянке! И хотя мы обнеслись оплотом, стеной, сделали нечто подобное Псково-Печерскому монастырю (если кто-то у нас не был — милости просим, у нас там такой оазис, садик красивый и Святая горка своя есть, маленькая, правда, совсем), но это большой приход. У нас 16 священников. Вот вчера тоже рассуждали об этом и вспомнили с нашими послушниками, со скольких чаш у нас причащают в воскресенье: на ранней литургии — две-три чаши, на поздней — пять-шесть. Полторы тысячи причастников каждое воскресенье. Это притом, что у нас жилых домов-то нет. У нас учреждения, ФСБ вокруг нас со всех сторон, банки, конторы, а жилых домов — раз, два и обчелся. Люди приезжают сами, потому что это монастырь, потому что они хотят монастырское богослужение. Священники исповедуют у нас до глубокой ночи, в субботу и под праздники, по 10 человек выходит на исповедь. И для людей это нужно. Людям нужна индивидуальная исповедь. Людям надо найти духовника.

Сейчас я уже совсем не молодой, но наши иеромонахи все, в общем-то, достаточно юные, молодые, хотя прожили в монастыре по 15–18 лет. Но они молоды — 35–40 лет, а когда-то им было 27–28 лет.

И наша задача была, конечно же, не старчествовать — все мы прекрасно понимали, что мы бесконечно далеки (и это без всякого смиренного чанья так), мы бесконечно далеки от тех наших отцов даже Псково-Печерского монастыря, не говоря уже о великих старцах, о которых мы читаем, перед памятью которых бесконечно благоговеем... Но мы поставили перед собой конкретную задачу: вместе с нашими прихожанами, которые почитают нас как духовных отцов (так уж это сложилось на Руси), вместе искать волю Божию, для каждого конкретного человека. Нет ничего драгоценнее, чем найти волю Божию о каждом конкретном человеке — вот обо мне, о вас, о каждом конкретном человеке. Вот это самое важное и самое дорогое.

Как ее найти? Это искусство из искусств и наука из наук. Невозможно нам, немощным, сразу взять и сказать: вот, воля Божья такова. От таких людей надо бежать, действительно, как можно быстрее. А вот вместе — из Священного Писания, из обстоятельств жизни, из советов с умудренными людьми, с опытными людьми находить волю Божию о каждом конкретном человеке, о каждой его конкретной ситуации — вот это, по всей видимости, и есть главная задача священника и прихожанина, который к нему приходит. Эта задача, по всей видимости, нам доступна, во всяком случае, это приоткрывается сейчас постепенно. Иной раз эту волю Божию о человеке нащупать, пробраться к ней, почувствовать ее, попробовать, утвердиться в ней — для этого требуется достаточно долгое время. Но это не беда — главное постепенно, постепенно идти, не торопясь. Преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Чтобы не ошибиться — не должно торопиться». А у греков есть такое любимое ими выражение: «σιγά-σιγά» — «понемножку-понемножку». И они используют это выражение и в быту, и в работе, и в жизни — и в том числе, и в жизни духовной.

Вот постепенно, ища эту волю Божию, мы можем ее обрести. А это великое событие для христианина. Это великое событие — и в малом, и в большом. Так вот, духовническое послушание, которое не самочинно берется, а из обстоятельств жизни: вот оказались мы на Лубянке, оказались мы в самом центре Москвы. Стал Господь посылать к нам людей. Причем как! Вначале у нас было только две комнатки, был там один только монах. Потом еще прибавилось нам комнат — еще появились. И я сейчас совершенно спокойно знаю, что не надо вообще беспокоиться. Надо трудиться, делать все, от тебя зависящее, а Господь пошлет и необходимое количество помещений, и средства, и прочее, прочее, прочее... Просто явно стала видна воля Божья. Ну, правда, нам, конечно, очень сильно, по-мирски сказать, повезло, а с духовной точки зрения — особое благословение Божие было в том, что у нас был отец Иоанн Крестьянкин, который просто

за нами наблюдал, и вел нас, и благословлял каждый, каждый шаг. Это было величайшее для нас событие, величайшая радость и величайшее благословение Божие, что Господь послал к нам отца Иоанна, да и других печерских старцев, которые всегда нам помогали, всегда откликались.

Просветительская деятельность. У нас люди образованные — если в Печорах мы там ухаживали за коровами, кололи дрова, работали на кухне, на огородах, то в центре Москвы коров не заведешь. И мы создали семинарию, создали издательство большое, потому что наши монахи больше приспособлены к компьютеру.

Есть у нас и бывшие хакеры, очень серьезные. Наш сайт *www.pravoslavie.ru* этими бывшими хакерами и управляется. Такие покаявшиеся разбойники. Причем мы сразу сказали, что все программы мы покупаем. Был соблазн, конечно, взломать все программы, какие только есть, но мы сказали нет, этого делать ни в коем случае нельзя, мы, конечно же, все покупаем. Сайт действительно интересный, хороший. Мы сами его читаем, сами его любим. Это тоже просветительская программа. От 40 до 50 тысяч человек заходит ежедневно на этот сайт, еще мы сейчас сделали английскую версию этого сайта, еще и испанскую. Так что такая вот просветительская деятельность идет.

Чем еще занимаются современные монастыри? Что Господь посылает. Вот, например, есть у нас еще хозяйство большое, как мы его по-старинке называем — колхоз. У нас есть скит в Рязанской области. В Москве действительно тяжело жить, и воздух тяжелый, и шум: просто окно открыть невозможно — врывается оглушительный шум Москвы. И за стенами — рестораны, какой-то спортивный клуб — клуб не спортсменов, а любителей спорта, которые под пиво смотрят спортивные матчи. И мы, в общем, в курсе всех спортивных новостей, несмотря на то, что не очень этого хотим. Мы бы рады были, если бы наш монастырь был где-нибудь поединеннее — но Мать Божья так благословила. Так что у нас есть скит. Рядом с этим скитом в 2001 году, когда мы его взяли, были разоренные хозяйства. И вот из одного из этих хозяйств пришли люди и попросили нас, как они сказали, «взять нас хоть в крепостные». Люди четыре года не получали зарплату, детей кормили комбикормом. И мы взяли это хозяйство, хотя мы ничего не понимаем в сельском хозяйстве. Как у Марка Твена: «Как я редактировал сельскохозяйственную газету». Но так вот Господь благословил, и сейчас у нас одно из ведущих хозяйств в Рязанской области.

Но главное — мы возродили людей к жизни, дали им силы к жизни. Мы не загоняли их в храм, и я не могу сказать, что у нас там прям сплошное благочестие. Но люди стали ходить в храм. Люди взяли от

нас, от монахов, которые приехали, то доброе, что мы могли им дать. Конечно же сначала они и Слово Божие воспринимали очень скептически, не хотели ничего слушать. Такое страшное повреждение у людей за эти годы: какая-то обрядовость сохранилась, на уровне крестить и отпеть, а в соседние храмы ходило 10 старушек, и всё. И люди были изуродованы и советской властью, и вот этими годами перестройки. Ну, тотальное пьянство — это понятно. Все, кто бывает в России, знает, какое там пьянство страшное, особенно в деревнях. Но есть и еще страшнее вещи. В деревнях в начале 90-х гг. был видеоманитофон, который заменил телевизор. И смотрели, знаете, что? Порнографию. Клуба в деревне нет. Телевизор... ну смотрят телевизор, но им никого не удивишь. Так вот собирали деньги, посылали в райцентр за фильмами, выбирали только такого рода фильмы, пили, садились и смотрели. Причем смотрели от мала до велика, даже старухи 80-летние. Вот это для нас было открытием, ужасающим открытием той реальности, которая была в России. Такой была, а отчасти есть и сейчас русская деревня.

И вот миссия в постсоветском, дехристианизированном обществе — это тоже миссия монастырей. Так в этом пораженном раком организме оздоравливаются рядом с приходами, с монастырями, рядом со скитами, оздоравливаются, появляются хоть какие-то здоровые клетки. И как только вера Божия просыпается в людях, вот это постепенно отпадает. Но жизнь эта хуже языческой. Потому что язычники, к которым приходили апостолы, они ничего не знали о Христе. А наши современники, люди постхристианского общества, они тоже о нем ничего не знают, но думают, что знают. «Бог? Да знаем мы о Нем — вон наша бабка Богу молится. На трех китах там все стоит у вас, на трех слонах, все мы знаем, и в школе мы все проходили». И к ним прийти намного тяжелее. Так что здесь тоже просветительская деятельность Церкви, в чем бы она ни выражалась, даже в создании колхоза. И многие монастыри заводят такие хозяйства — не от того, что нам это нужно.

Деньги мы зарабатываем по-другому. Мы зарабатываем на издательстве, издаем порой более 400 книг в год. Это наша финансовая основа. Отец Иоанн Крестьянкин, в свое время еще, когда меня назначили настоятелем подворья Псково-Печерского монастыря, который стал потом Сретенским монастырем, он сказал: «А кубышка у тебя есть?». Я даже опешил — не ожидал от батюшки, очень духовного человека, таких слов. «Нет», — говорю. Он говорит: «А надо, нужна финансовая независимость». И наша издательская деятельность, конечно, в первую очередь несет задачу просвещения — и христиан, потому что мы издаем серьезную христианскую литературу, святоотеческую литературу, Священное Писание, историческую литера-

туру и просвещения людей, только подходящих к Церкви, издаем соответствующие для них книги. Но вторая функция — это наша финансовая независимость. Мы зарабатываем деньги, которых хватает и на содержание семинарии, в которой учится 150 человек (учатся 5 лет ребяташки, полностью на нашем иждивении), и на содержание и ремонт монастыря, и на детский дом — у нас еще и детский дом, 100 детей рядом с нашим скитом. Мы сами не воспитываем детей, мы к ним приезжаем как Дед Морозы к Рождеству, на праздники, что-то им дарим, но выпускники нашей семинарии, мирские священники, белые священники, с педагогическим образованием — вот они занимаются, вместе с их матушками, с церковными нашими людьми, педагогами.

Дети у нас очень сложные. У нас не сиротский приют, а интернат брошенных детей при живых родителях. Как правило, наркоманы и алкоголики. Вот мы были сегодня в Вифании, в замечательном приюте для арабских девочек и мальчиков — но эти сироты, к счастью, постоянно с вами. А нам органы госнадзора выдают дегтишек, мы их принимаем на полгода, приводим в порядок, общаемся с ними, приводим их в божеский вид, отучаем их разговаривать матом — они ведь не ругаются, они на этом языке думают, говорят. И потом приходит женщина, от которой на 10 метров несет перегаром, и, извините меня, нечистотами, и кричит: «Вася!» И этот ребенок, вымытый нами, вычищенный, он кричит: «Мамочка!» — и бежит к ней. Она имеет право его забрать к себе на каникулы. И большинство наших детей на каникулы уезжает к этим родителям. И потом возвращаются к нам. И мы производим санацию, лечим их от педикулеза, от многих других болезней, в том числе абсолютно не детских. И они рассказывают, как они там жили, как они пили, куда их мама продавала, и т. д.... Проходит полгода, и опять их забирают. Мы хотели бы, чтобы их к этим мамам и папам не забирали. Но когда мы видим, как он кричит: «Мама!», понятно, что все равно она для него — мама, хотя это совершенно поразительно, конечно... Такое вот тоже служение монастыря, хотя мы в жизни не думали, что будем заниматься сельским хозяйством, воспитанием детей и прочее.

Вот матушка Фрося — вы читали книжку «Несвятые святые» или видели фильм — она тоже говорила: «Чем только ни приходится заниматься, какая я монахиня! Детей воспитывали, в тюрьме сидели (тюремщицы, как она называла), жали, строили — чем только ни занимались. А вот Господь благословляет, и в этом наше счастье». Так что даже если многие это не понимают, даже если множество критиков, а все же Господь говорит: «А вот Я благословляю это». И мы это чувствуем, и нам, монахам, больше ничего не надо. Лишь бы только Господь действительно благословил.

Масса монастырей... Скажем, в нашем монастыре есть еще много других послушаний. Мы поучаствовали в объединении Русской Церкви, и это было большим счастьем. Внесли в это свою лепту. Антиалкогольную компанию мы сейчас развиваем в России. Мы видим наших прихожан, многие из которых страдают этим недугом, особенно молодежь. 33 процента мальчиков и 20 процентов девочек, начиная с 13 лет, каждый день употребляют алкоголь. И вот именно монахи начали движение, которое потом переросло в общецерковное, создан церковно-общественный совет защиты от алкогольной угрозы. И государство подхватило это. Казалось бы — ну какое ваше дело, монахов? А начали это именно монахи. И сегодня, за 3 с половиной года этой деятельности, на 18 процентов сокращено потребление алкоголя в России. Мы считаем, что это хорошо. Запретительные меры, ролики... Антиалкогольные ролики мы сняли, другие монахи их показывали по центральному телевидению. Их демонстрируют сейчас на Украине, в Белоруссии. Тоже дело, которым пришлось нам заниматься.

Женские монастыри... Очень много приютов, школ, гимназий, из которых выходят совершенно прекрасные люди, настоящие христиане. И совсем не обязательно монахи! Но здесь есть одна огромная опасность. Называется она «социальная деятельность Русской Православной Церкви». Об этом очень часто говорят. Вот я вообще не понимаю, что это такое. Это помощь бомжам, приюты и прочее. То, что и мы отчасти делаем. Я как-то задал вопрос владыке Пантелеиму (Шатову), замечательному архиерею, прекрасному архиерею, который был когда-то отцом Аркадием и сейчас возглавляет этот отдел по социальному служению: «Владыка, а когда человек некий в разбойники впаде, и ему самарянин оказал помощь — он что, социальной деятельностью занимался? Или когда Господь говорит нам — подайте воду или помогите, или когда Господь умножал хлеба, он что, социальной деятельностью занимался?» Нет, ничего подобного. Милосердие и отклик на волю Божию, посильное участие... Я даже не хочу сказать слово «помощь», посильное участие в жизни наших ближних, и это — часть духовной жизни христианина. Мы ее немножко оформализировали. Мы сделали это отчасти бюрократической деятельностью с отчетами, конгрессами, съездами и прочее. Но это — часть молитвенной, духовной жизни христианина, которая заповедана нам самим Господом нашим Иисусом Христом.

Если мы так понимаем — мне кажется, это правильно. Если же это переходит в какую-то формальную деятельность (я уж не говорю об обязаловке), то это уже не для монахов, монахи этим не должны заниматься. Вообще монахи должны, с моей точки зрения, заниматься тем, что ждет и посылает нам Господь. А это может быть очень и очень

многое. Но все же главным в монашеской жизни остается молитва и наш путь к Богу. Изменяя себя (*метанойя*), шествуя, по мере сил и возможностей, к Богу, молясь, учась, в литургии, в первую очередь, мы исполняем свой главный долг.

Какова жизнь, например, у наших монахов Сретенского монастыря, какова их литургическая жизнь? Все монахи 4 раза в неделю причащаются (послушники реже). Это заповедь Василия Великого, и мы считаем, что можем ее исполнить. Мы не считаем, что это обязательно для всех монастырей, совсем нет. В каждом монастыре своя духовная жизнь. Для нас это необходимо, потому что мы живем «*на юру*», нам тяжело без этого. Один раз в неделю, по четвергам, у нас братская служба. Братская служба — что это такое? Накануне вся братия исповедуется, и в четверг все причащаются из единой чаши, это очень важно. Мы ощутили, мы попробовали это сделать и поняли, насколько это важно, насколько это объединяет. Это одно из наших открытий, одно из счастливых открытий нашей недолгой монастырской жизни. У нас очень часто ночные службы, на которые мы мирян обычно не приглашаем. У нас и в будни иногда 100–150 причастников, поэтому священники все время заняты то исповедью, то беседами. Мы попросили у Святейшего благословения сделать несколько небольших храмов и переносных престолов в нашем единственном храме, в трех пределах, а внизу у нас крипта, храм воскресения Христова с копией Туринской плащаницы, которая освящена как икона. Большинство наших иеромонахов и монахов еще служат и по ночам. Берем послушников или берем студентов наших поющих, три-четыре-пять человек поет, иеромонах служит, и все причащаются, соответственно. Ну и, естественно, в воскресенье тоже все причащаются. Мы почувствовали вкус к этому. Для нас это важно.

В других монастырях есть другие правила, и это совершенно не значит, что наши правила лучше, а те хуже. Иногда причащаются раз в неделю, иногда только постом — это зависит от того, к чему люди привыкли. Лишь бы причащались с благоговением и не чувствовали привычки к причащению. Вот, например архимандрит Нафанаил Псково-Печерский, он вообще причащался два раза в год. Как мы ни удивлялись, и сколько ему ни говорили даже его собратья старцы — он два раза в год причащался, и всё. А так он привык! Отец Иоанн не одобрял этого, и отец Серафим (Розенберг) не одобрял, но вот отец Нафанаил стоял на этом и всё — он так привык. И служил два раза в год, будучи архимандритом, только два раза в год: на Пасху и на свой день Ангела... В каких-то монастырях причащаются только в посты. Но я думаю, что сейчас в основном причащаются чаще.

Молитвенная жизнь. Конечно, у всех монахов есть правила, но не одинаковые правила у всех — у кого-то больше, у кого-то меньше.

Мы читаем Псалтырь, но в основном вылезаем за счет студентов. Хотя, конечно, и братья читают, но сейчас, когда у нас множество студентов, мы поняли, что их очень хорошо приучать к псалтыри, и как-то сами очень расслабились. Для студентов это событие — ночью прийти в храм, почитать, ну а мы и рады... Я отпускаю монахов в отпуск. Не одобряли этого монахи печерские, но тяжело на Лубянке, хотя есть у нас монахи, которые вообще не ходят в отпуск. Есть у нас монахи в центре Москвы, которые вообще не выходят из монастыря. Знают только храм — келью — послушание, и всё. Несколько человек таких. Не выходят даже погулять, хотя они не затворники.

Научная деятельность монашества — тоже очень важна. Нужно готовить монахов, действительно способных, к научной деятельности, к изучению языков, богословия, истории Церкви.

Чем только монахи не занимаются — и все слава Богу! Как-то раз очень хорошо сказал иеромонах Серафим (Роуз): вот сейчас монахи то туда, то сюда шляются, чем только не занимаются. Я согласен с ним, это неправильно. Неправильно до тех пор, пока мы не ощущаем со всей ответственностью волю Божию. А Господь посылает нам эту волю Божию в обстоятельствах жизни чаще всего. Вот пришел к нам наш тогдашний префект центрального округа Александр Ильич Музыкантский и сказал, что в бедственном положении находятся православные в Грозном, в Чечне. Это был 98-й год. Действительно страшно то, что там было: три тысячи оставалось православных, брошенных на произвол судьбы, в разбомбленном храме, ничего там не было, служить не на чем. Мы бросили клич, наши прихожане собрали огромное количество денег, продуктов, мы сделали посылки, погрузили на машины, повезли туда с благословением, и потом еще 7 раз были в Чечне, с разными миссиями — и тоже как-то Господь всё послал, это же не мы сами.

Важнейшая задача монаха — об этом говорили и оптинские старцы, и особенно святитель Игнатий Брянчанинов — это изучение Слова Божия и изучение Святых Отцов. Это альфа и омега. Вообще духовное образование — это очень важная задача сейчас, и очень важно понять, как именно надо воспитывать — не только учить, но воспитывать будущих священников. Вот мы сделали сейчас совершенно новую семинарию (хотя на самом деле — старую, по старым образцам). Мы перевели весь первый курс, около 30 человек, в наш скит — в очень хорошие условия, восстановили там старинную усадьбу, храм прекрасный и отделили их от остальных курсов семинарии. И что они там изучают год целый? Священное Писание, причем учат Новый Завет наизусть, Евангелие наизусть. Псалтырь каждый день и почти наизусть. Святых отцов: святителя Игнатия Брянчанинова, Лествицу, Авву Дорофея, Невидимую Брань. Церковно-славянский, историю Церкви, из свет-

ских только один предмет — английский язык, зато каждый день. Они живут в уединении, сами себя во многом обслуживают, сами совершают все богослужения. И это дает свои плоды. Они полностью отделены и от города, и от своих старших товарищей, и им кажется, что если сказал батюшка — то сто процентов надо все сделать. А старшекурсники уже не так. Они скажут «да», а потом... То есть здесь хорошая закуска. Если будущий священник уже ко второму курсу знает наизусть или близко к тексту Новый Завет — то цены такому священнику не будет.

Страх Божий и знание Священного писания. Как раньше, рассказывают, оценивали, готов ли ставленник к принятию священного сана: знает наизусть Евангелие, и знает наизусть Псалтырь, и правильная жизнь — *аксиос*, всё. А сейчас ужас в чем? Изучая Священное Писание, наши семинаристы зачастую его не знают. Изучая патрологию, они не знают Святых Отцов. Я помню, как нас поразило, когда я был еще послушником Псково-Печерского монастыря, к нам приехали семинаристы последнего курса из Ленинградской тогда духовной семинарии. Это были для нас небожители, семинаристы! И когда мы со страхом к ним приступили, расспрашивая об их образовании, обо всем, они нам что-то рассказывали, они видели митрополитов живых: к нам приезжает один раз в год, а они видели митрополитов, епископов, они изучают богословие! И когда мы спросили — а вот Лествица, а вот Авва Дорофея, а вот Исаак Сирин, и вдруг мы с ужасом поняли, что они ничего этого не читали. На четвертом курсе семинарии они не читали Лествицу. Мы спрашиваем — это как? Вы что, не знаете? Они говорят: «Ну как же, знаем: Иоанн Лествичник, был такой, написал Лествицу». — «А вы ее что, не читали?» Они говорят: «Нет, не читали. А зачем? Ну, мы изучали, что есть такая, много книг изучали. Знаете, сколько книг?». Это для нас было как обухом по голове. Мы представить себе не могли, что будущий священник не знает Лествицу, что он вообще не читал Святых Отцов, он их *проходил* — ему о них рассказывал преподаватель, и всё. Вот это, конечно, огромная проблема нашего духовного образования, что люди не знают Святых Отцов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УЧАСТКА РДМ В ХЕВРОНЕ

Яна Чехановец

На палестинских участках, приобретенных главой РДМ архимандритом Антонином (Капустиным) в последней трети XIX в., зафиксировано множество археологических памятников. Для Капустина, увлеченного антиквара и археолога-любителя, участки с «антиками» представляли особый интерес. Зачастую сведения о древностях становились одной из важных причин, побуждавших главу РДМ к той или иной покупке. Таким образом были приобретены и исследованы иерусалимские участки для строительства Александровского подворья недалеко от Храма Воскресения, монастырь Св. Марии Магдалины и Елеонский монастырь на Масличной горе, странноприимный дом в Иерихоне, Яффское подворье и др.¹ Отдельные приобретения представляли

¹*Loukianoff G. Les lieux historiques dans les propriétés Russe de Palestine // Extrait du Bulletin de l'Institut d'Égypte, XIV. Session 1931–1932. Cairo, 1932. P. 69–77;*